

ОГОНОКЪ

Иллюстрированное Обзорѣніе
общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНІЕ
къ „БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ“.

№ 38

Понедѣльникъ, 2 (15) октября 1900 г.

№ 38

Открытие „Петербургскаго театра“.

26 сентября.

„Вій“, — драматическая сказка Н. В. Тоголя, передѣланная для сцены Е. Я. Шабельской.

1) Расправа Хомы Врута съ вѣдьмой. 2) Избитая панночка принесена въ домъ сотника. 3) Въ еврейской корчмѣ. 4) Панночка встаетъ изъ гроба.

Оригинальный рисунокъ К. О. Брожа. Автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

Типы и картинки парижской жизни.

Кафе де-ля-Пэ.

Во всякой столицѣ, будь то Парижъ, Лондонъ, Берлинъ или даже Петербургъ, не смотря на феноменальную отсталость и некультурность его городского управления, существуетъ привилегированная улица или площадь—фешьонэбельный центръ города, который по красивой архитектурѣ домовъ, по роскоши сгруппировавшихся здѣсь магазиновъ, а также по какому-то космополитизму царствующихъ именно въ этомъ мѣстѣ нравовъ, привлекаетъ къ нему особенно чистую публику, принадлежащую къ мѣстнымъ богатымъ жителямъ, а также проѣзжихъ иностранцевъ со всего свѣта.

Такимъ мѣстомъ въ Парижѣ представляется площадь противъ Большой Оперы, гдѣ пересекаются во все направления шумныя, оживленныя улицы и бульвары. Противъ великолѣпнаго, можно сказать единственнаго по красотѣ зданія Оперы тянется avenue de l'Opéra, первая улица въ Парижѣ, освѣщенная по системѣ электрическихъ глобусовъ Яблочкова. Направо отъ нея идетъ улица де-ля-Пэ, гдѣ сосредоточивается вся ювелирная торговля Парижа, а также дамскіе портные и модистки аристократическаго бо-монда. Вечеромъ, передъ обѣдомъ, улица эта запружена элегантными экипажами, а по тротуарамъ двигается избранная публика, останавливающаяся передъ волшебными витринами ювелирныхъ магазиновъ, залитыхъ потоками электрическаго свѣта.

По лѣвую сторону de l'Opéra находится другая роскошная улица rue du 4 Septembre, въ концѣ которой загадочно рисуется античный профиль зданія биржи. Все эти улицы исходятъ отъ площади Оперы, а потому съ самаго утра до поздней ночи движеніе здѣсь ни на минуту не останавливается, и бѣшеніе пульса огромнаго города чувствуется съ особенной силой, привлекая къ себѣ все отдѣленные и разнообразныя элементы, участвующие въ его сложной жизни.

На самомъ углу этой площади въ громадномъ домѣ Грандъ-Отель, занимающемъ цѣлый кварталъ, расположился кафе де-ля-Пэ, выходящій на бульваръ Капуциновъ и на площадь Оперы. Противъ него на широкомъ асфальтовомъ тротуарѣ, подъ сѣбною полотняною навѣса, разставлены столики и стулья, занятые въ хорошую погоду пестрой публикой въ сверкающихъ дамскихъ шляпкахъ и безукоризненныхъ мужскихъ цилиндрахъ о „восьми лучахъ“. Лѣнливо отпывая „консомацию“, публика эта, состоящая изъ бульварныхъ фланеровъ и иностранцевъ, слѣдитъ въ пріятномъ отдыхѣ за людскимъ потокомъ, несущимся передъ ея глазами, образующимъ постоянно мѣняющуюся картину лицъ, выраженій, движеній и красокъ. Эта движущаяся толпа, представляющаяся иностранцу, какъ безличная масса уличной публики, подъ конецъ утомляющей вниманіе и зрѣніе, является для парижанина живой хроникой парижской жизни. Онъ сразу, опытнымъ глазомъ, опредѣляетъ то или другое социальное положеніе проходящихъ, ихъ национальность, съумѣетъ отличить „растакура“ отъ капиталиста, кокетку отъ актрисы, даму отъ полу-дамы и даже четверти-дамы, безобиднаго фланера отъ искателя приключеній: а такихъ, привлекаемыхъ надеждою наживы, особенно много. Часто изысканный на видъ джентльмэнъ никто иной, какъ интернациональный „пикъ-пocket“, выжидающій случая обобрать наивную жертву.

Проникнемте во внутренность кафе, роскошно убраннаго и освѣщеннаго à la mode. Раскрашенные потолки, ковры, позолота,

громадной величины зеркала, бархатная мебель, все располагаетъ присѣсть и отдохнуть. Къ вашимъ услугамъ сотни газетъ и иллюстрацій на всехъ языкахъ. Типичные французскіе гарсоны въ черныхъ курткахъ, въ длинныхъ бѣлыхъ передникахъ, услужливы и не назойливы. Вы можете, спросивъ консомацию въ десять су, просидѣть сколько угодно, читать, писать и дать су лакею на чай, за что онъ еще скажетъ вамъ „мерси“. Внутренняя публика нѣсколько отличается отъ наружной. Здѣсь много постоянныхъ посѣтителей, между которыми видное мѣсто играетъ мѣръ корреспондентовъ иностранныхъ газетъ. Вонъ сидитъ съ саркастической улыбкой маленький тшедушнаго не вызывающаго вида господинъ съ огромной сигарой во рту, корреспондентъ какой-то берлинской газеты, прозванный товарищами М-ше Рій, по разказу Мопасана. Вотъ, углубившись въ писаніе, потерявъ сознание окружающаго міра, изрѣдка только поднимая глаза къ потолку, какъ бы ловя мысль, отписываетъ корреспонденцію „нашъ собственный корреспондентъ“ какой-то русской газеты. Физиономія типичная. Кругомъ, впрочемъ, не мало курьезныхъ физиономій. Тутъ старичекъ англичанинъ, вѣчно погруженный въ чтеніе „Times“а, съ розовымъ, какъ яблочко, личикомъ и красно желтымъ парикомъ; здѣсь, полулежа на диванѣ, красивый молодой испанецъ съ краснымъ галстухомъ, черными усами, масляными глазами, ловавшій влюбленнымъ взоромъ проходящихъ дамъ. Въ разное время дня бѣгаетъ и разная публика. Особенно много ея передъ обѣдомъ въ (зеленый) часъ, когда парижане пьютъ абсентъ. Въ это время бывають одни мужчины. Дамъ видно много послѣ обѣда и поздно вечеромъ, послѣ театра. Тогда нерѣдко можно здѣсь увидѣть даже свѣтскихъ дамъ въ чудныхъ туалетахъ, въ бриллиантахъ, въ легкой нарядкѣ на плечахъ, въ сопровожденіи своихъ кавалеровъ. Эти появленія довольно мимолетныя, но они свѣдѣтельствуютъ о той свободѣ жизни, которой пользуются парижанки.

Но вернемся къ болѣе типичнымъ сценамъ, обрисовывающимъ обратную сторону парижской роскоши.

Передъ мраморнымъ столомъ сидитъ и пишетъ письмо, съ видимымъ напряженіемъ всехъ умственныхъ силъ, баринъ не первой молодости, типа, напоминающаго бывшихъ нашихъ помѣщиковъ черномземныхъ губерній скоро послѣ освобожденія. Съ одной стороны, физическая сытость, наслѣдственная дородность, съ другой—безпокойство въ глазахъ за завтрашній день, привычка жуировать, умѣренная сознаниемъ о заложенномъ имѣніи и розданныхъ векселяхъ. И дѣйствительно, баринъ оказывается русскимъ, только что проигравшимся въ пухъ въ Монте-Карло и пишущимъ слезное письмо въ Москву къ замужней сестрѣ съ просьбой о высылкѣ денегъ.

Вдругъ онъ бросаетъ перо и обращается съ отчаяніемъ къ сидящему около него молодому человѣку.

— Представьте, не могу. Хотя зарѣжьте, не могу просить. Чортъ знаетъ что такое! Вотъ положеніе. Прочтите, что я написалъ. Какъ вы найдете?

Молодой человѣкъ покровительственно беретъ почтовый листъ и читаетъ, сдерживая улыбку.

— Какъ это вы пишете, возвращаетъ онъ листъ, вы не довольно настаиваете. Помилуйте, вы ничего не говорите, что вамъ въ квартирѣ отказываютъ.

— Позвольте, я же пишу, что я нуждаюсь въ самомъ необходимомъ. Въдѣ это я думаю довольно. Какъ же еще писать?

Молодой человѣкъ опять загадочно улыбается.

Это типъ изъ новыхъ. Наивности никакой. Видно всюду пролѣзетъ и на ноги встанетъ. Лицо блѣдное, усталое, но выдержки больше, чѣмъ у старика. Положеніе вѣроятно также не блестящее, но ресурсовъ въ запасѣ много. Въ глазахъ читается холодная рѣшимость на все.

— Эхъ, бросьте вы писать роднымъ. Напишите вы Ивану Николаевичу, помните который съ вами обѣдалъ въ Ниццѣ. Онъ добрый человѣкъ и богатъ страшно. Я увѣренъ, что онъ вамъ пришлетъ денегъ. Помѣщикъ востепенулся.

— А въдѣ хорошая мысль. А гдѣ онъ живетъ?

— Пишите прямо въ англійскій клубъ,—онъ тамъ каждый день дуется въ карты.

— Непремѣнно напишу. Вотъ спасибо вамъ... А то просто скандалъ... Хотя въ Сену бросайся...

Старикъ смѣется насильственнымъ, жалкимъ смѣхомъ, безпокойно оглядываясь.

Такихъ сценъ съ безконечными вариантами происходитъ не мало въ кафе де-ля-Пэ. Но многие несутъ свою печаль въ одиночествѣ. Можно о нихъ угадать по лихорадочной манерѣ, какой они пишутъ письма, рвутъ и опять принимаются писать. Подъ роскошью изящнаго платья скрываются часто отчаяніе и разореніе. Но почти у всехъ этихъ завѣзжихъ иностранцевъ, встрѣтившихся въ Парижѣ съ бѣдой и лишениями, часто по собственной винѣ, есть общая черта: желаніе остаться въ немъ какъ можно долѣе: многие предчувствуютъ, что уѣхавъ изъ Парижа, судьба ихъ больше сюда не заброситъ, и потому-то они откладываютъ минуту послѣдняго разставанія. Самымъ интереснымъ типомъ въ этомъ отношеніи былъ полякъ, теперь умершій, котораго нѣсколько лѣтъ назадъ можно было встрѣтить каждый день въ кафе де-ля-Пэ. Это былъ высокій старикъ, не только съ красивымъ, но благороднымъ лицомъ, въ длинныхъ сѣдыхъ волосахъ, но одѣтый неряшливо, почти нищенски. На пальцѣ у него всегда было продѣто желѣзное кольцо. Судьба его была таинственная. Онъ покинулъ Польшу послѣ польскаго возстанія и принадлежалъ, какъ кажется, къ очень богатой семьѣ. Онъ говорилъ, что у него были богатые родственники, которые звали его обратно на родину, но онъ рѣшился никогда не покидать Парижа, съ которымъ не могъ расстаться. Чѣмъ и какъ онъ жилъ, трудно было бы сказать. Говорили, что онъ играетъ на скрипкѣ по вечерамъ въ какомъ-то кабацкѣ. Хотя онъ самъ не жаловался, но извѣстно было, что онъ часто оставался безъ крова и пищи. Но какой-то внутренней энтузіазмъ его никогда не покидалъ; онъ старался знакомиться особенно съ русскими и предлагалъ имъ свои услуги. На его обращеніе лежала совершенно особенная печать, и, несмотря на бѣдно тѣ, онъ умѣлъ говорить съ вами, какъ равный, на своемъ исковерканномъ, но всегда восторженномъ русскомъ жаргонѣ. Все, что дѣлалось въ Парижѣ, принимало въ его воображеніи какіе-то фантастичныя, гомерическіе размѣры. Начинаящій писатель представлялся ему будущимъ гениемъ, политической инцидентъ мировымъ событіемъ, и все потому, что это происходило въ Парижѣ, касалось Парижа. Эту чуждакъ былъ самымъ восторженнымъ поклонникомъ Парижа, и вѣроятно онъ такъ и умеръ, видя передъ собою чудный миръ...

Иногда я вспоминаю о немъ, сидя въ кафе де-ля-Пэ, въ холодную зимнюю ночь, когда даже парижскій бульваръ Капуциновъ погружается въ непривѣтливую тьму. Невольно вспоминаешь, находясь въ этомъ тепломъ и свѣтломъ мѣстѣ, старую легенду о человѣческой судьбѣ. Она похожа на ту птичку, которая, прилетѣвъ изъ мрака, на минуту порхаетъ надъ пы-

лающим костромъ, чтобы опять улетѣть и исчезнуть во тьмѣ. Кафе де-ля-Пэ напоминает мнѣ иногда этотъ костеръ...

А. Шлетневъ.

Въ Китаѣ.

Китайскія игры и спортъ.

Верховая ѣзда, гребной спортъ, плаваніе и фехтованіе, любимые виды спорта у европейцевъ, совершенно неизвѣстны китайцамъ. Они требуютъ слишкомъ большого, съ китайской точки зрѣнія, напряженія, а кромѣ того и опасны. Китайцы по природѣ трусливы, и ни одинъ изъ нихъ не находитъ удовольствія въ томъ, чтобы ввѣрять свою драгоценную жизнь рѣзвой лошади или лодкѣ, которая колеблется на волнуемой стихіи. Спортъ же китайца совсѣмъ ужь безопасный и не требующій никакого напряженія. У насъ запусканіемъ змѣевъ занимаются дѣти, а въ Китаѣ это занятіе составляетъ любимѣйшее занятіе и взрослыхъ. Каждый изъ нихъ съ непоколебимымъ терпѣніемъ, заслуживающимъ лучшей участи, запускаетъ своего змѣя, пока онъ, наконецъ, не поднимется до требуемой высоты. Китайцы и изобрѣли змѣя, и отъ нихъ онъ распространился въ Европѣ. Изобрѣтенъ онъ генераломъ Ханъ-Синъ и первоначально служилъ для военныхъ цѣлей. Посредствомъ змѣевъ сообщались отдѣльные отряды, находившіеся на извѣстныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга. Затѣмъ змѣи превратились для китайцевъ въ забаву да такъ и остались забавой. Европейцы же, перенивъ китайскую забаву, въ послѣднее время приспособляютъ ихъ къ научнымъ цѣлямъ. Змѣи въ Китаѣ дѣлаются въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Кажется, нѣтъ такой формы, которой-бы они не имѣли. Нѣтъ такой птицы, нѣтъ такого звѣря, такого насѣкомаго, которыя не дали-бы китайскимъ змѣямъ свою форму. Въ Китаѣ это особая отрасль промышленности, и фабриканты очень изобрѣтательны. Великолѣпнѣйшимъ и эффектиѣйшимъ считается змѣй, изображающій стоножку. Съ изумительнымъ терпѣніемъ китайскій спортсменъ запускаетъ такую стоножку, имѣющую часто до 10 аршинъ высоты. Искусно также дѣлаются подражанія ястребу, и часто одинъ и тотъ-же китаецъ умудряется сразу запускать нѣсколько такихъ ястребовъ.

Другое любимое занятіе—содержаніе и дрессировка птицъ. Длиннокосые чело-вѣки носятъ ихъ съ собой на прогулки и въ чайные и тамъ устраиваютъ состязанія маленькихъ пѣвцовъ. Въ особенности часто приручаются дрозды и жаворонки, и хорошо выученныя птицы высоко цѣнятся ихъ владѣльцами. Клытки представляютъ образцы искусства, и каждая изъ нихъ стоитъ до 50 рублей. Нерѣдко приручаютъ и коростелей и выпускаютъ ихъ на состязаніе въ пѣніи. До начала состязанія птицы обыкновенно помѣщаются въ складкахъ атласнаго пояса,—тамъ онѣ помѣщаются очень удобно и не могутъ никакъ себѣ повредить.

Препрославлены также китайскія тѣни. И старъ и младъ увлекаются ими. Изъ своей родной страны китайскія тѣни проникли и въ Европу. Устройствo ихъ, по принципу, похоже на волшебный фонарь. Большая занавѣсъ, съ отверстиемъ въ серединѣ, развѣшивается въ комнатѣ, а въ отверстіе натягивается тонко разрисованная матерія. За этой матеріей помѣщаются подвижныя фигурки, приводимыя въ движеніе помощью особыхъ штификовъ. Отраженный зеркаломъ свѣтъ падаетъ на прозрачную матерію и увеличиваетъ фигуры во много разъ.

Очень долго китайцы не имѣли соперниковъ въ области фейерверка. Искуснѣйшимъ образомъ они воспроизводили огненные цвѣты, животныхъ и аллегорическія фигуры. Но несмотря на это, они не научились дѣлать тѣ звѣзды и солнца, которыя составляютъ существенную часть европейскихъ фейерверковъ.

Шахматы, шашки и карты тоже не безызвѣстны въ Китаѣ. Однако, по тонкости комбинацій китайскіе шахматы стоятъ далеко ниже европейскихъ. Ихъ доска тоже раздѣлена на 64 квадратика, но всѣ они выкрашены одной краской. Въ серединѣ неокрашенная полоса, называемая рѣка Хо, раздѣляетъ доску на двѣ части. вмѣсто нашего короля у китайцевъ главная фигура—генераль, который по обѣимъ сторонамъ имѣетъ министра или литератора. По бокамъ у нихъ стоятъ слоны, а дальѣ лошадь и царская колесница. Во второмъ ряду передъ каждой лошадыю стоятъ пушки. Пять солдатъ занимаютъ третью линію. Пушки, генераль и слоны не могутъ перейти черезъ рѣку. Дѣлаютъ это только лошади и солдаты. Послѣдній всегда дѣлаетъ только одинъ ходъ—либо вправо, либо влѣво, но ни назадъ, ни впередъ. Партия считается выигранной, если плѣненъ враждебный генераль.

Карты—индійское изобрѣтеніе. Въ Китаѣ онѣ были извѣстны въ 1100 г. послѣ Р. X. и введены тамъ для забавы женъ императора Синанъ-Хо. Тамъ ихъ называютъ „бумажные или розовые ерлыки“, смотря по материалу, изъ котораго онѣ сдѣланы. Игра состоитъ изъ 30 листовъ. Обратная ихъ сторона выкрашена въ красную краску, а на передней изображены разныя фигуры: маски, змѣи, птицы и геометрическія фигуры.

У китайцевъ есть особенно любимая игра, которая у нихъ называется „большой“, или Вей-Чи. Она не имѣетъ никакого сходства съ извѣстными играми. Отъ шахматъ и шашекъ она отличается въ томъ отношеніи, что ея фигуры не берутся. Ея фигуры передвигаются по разнымъ направленіямъ, и извѣстная комбинація фигуръ составляетъ выигрышъ. Доска этой игры раздѣлена на 361 квадратикъ, и въ каждой партіи употребляется до 200 фигуръ, но эти фигуры всѣ одинаковаго значенія. При такомъ обширномъ полѣ игры необходимо для выигрыша много расчета и ловкости. Дѣло сводится къ тому, чтобы занять возможно больше квадратиковъ. Эта цѣль достигается двумя путями, либо стараются окружить извѣстное пространство своими фигурами, либо окружаютъ фигуры противника, и, такимъ образомъ, отнимаютъ отъ него квадратикъ. Такъ какъ въ одна фигура не играетъ главной роли, и рѣшеніе задачи основано на расчетѣ, то потери на одной сторонѣ доски могутъ уравниваться на другой. Игра эта упоминается уже съ шестисотата года послѣ Р. X. и очевидно занесена сюда пришедшими изъ Турина эламитами. Хроники рассказываютъ о многихъ императорахъ, которые всѣмъ развлеченіямъ предпочитали Вей-Чи, хотя она доводила ихъ даже до униженія сана, такъ какъ естественно, кто играетъ съ императоромъ долженъ сидѣть, а это простымъ смертнымъ не разрѣшается. Объ одномъ императорѣ рассказываютъ, что когда онъ игралъ въ Вей-Чи, его партнеръ схватился за императорскій палецъ и не поплачивая за это головой, что, конечно, послѣдовало-бы во всѣхъ остальныхъ случаяхъ. Этотъ фактъ, очевидно, былъ чрезвычайный, если его занесли въ лѣтописи.

Много склонности обнаруживаютъ китайцы къ театру, музыкѣ и танцамъ, но прекрасный полъ исключенъ изъ этихъ развлеченій.

Вавилонская государственная библіотека.

Недавно пенсильванскимъ университетомъ была послана экспедиція въ Малую Азію, и ей удалось сдѣлать весьма важное открытіе на развалинахъ Нипура, въ мѣстности „плѣненія Вавилонскаго“. При раскопкахъ большого Ваалова храма, разрушеннаго въ 2280 г. до Р. X. эламитами, найдена вавилонская національная библіотека. Глава экспедиціи, профессоръ Гильпрехтъ, приостановилъ работы въслѣдствіе жаркаго времени и пріѣхалъ въ Константинополь. По его словамъ, выкопано 17,200 таблицъ клинообразныхъ письменъ историческаго и научнаго содержания. Послѣднія посвящены мнeологiи, грамматикѣ, математикѣ и другимъ отраслямъ тогдашней науки. Таблицы эти были разставлены на стѣнахъ зданія библіотеки. Для дальнѣйшаго продолженія работъ потребуетъ совершенно разрушить остатки храма. Ожидаемую добычу профессоръ Гильпрехтъ оцѣниваетъ не менѣе 150,000 таблицъ. Расшировка рукописей привела ко многимъ поразительнымъ выводамъ насчетъ древнѣйшей исторіи Вавилона. Экспедиція на время прервала работы по раскопкѣ въ библіотекѣ, чтобы раскопать стѣны, составлявшія укрѣпленія Нипура. Въ глубинѣ 20 футовъ наткнулись на древнѣйшую развалину стѣны изъ времени короля Саргона (3800 г. до Р. X.). Во всѣхъ слояхъ было найдено много оружія и другихъ военныхъ приспособленій. Наткнулись также на большой дворецъ въ 600 футовъ по фасаду, который считаютъ мѣстомъ жительства старыхъ жрецовъ-королей. Кромѣ того, открыто много кирпичныхъ черепичекъ и статуэтокъ древнѣйшихъ періодовъ.

СЕНСАЦИОННОЕ ОТКРЫТІЕ.

Сенсаціонное открытіе. Если ужь сенсаціонное открытіе, да еще по артиллерійской части, такъ ужь это навѣрное изъ Америки. Тамъ были и пневматическія, и бумажныя, и кожанныя и всякія, какія угодно, пушки. Теперь тамъ изобрѣтено орудіе, нѣтъ, не орудіе, а адская машина, которая,—спаси Господи и помилуй—зажаритъ цѣлую армію, а суда расплавитъ, какъ ледъ подъ весеннимъ солнцемъ. Всѣ до сихъ поръ существующія бумажныя и кожанныя пушки нуль, въ сравненіи съ приспособленіемъ, предназначеннымъ для поджариванія армій и расплавленія броненосцевъ. Положимъ, сказаніе говоритъ, что Архимедъ сжегъ съ помощью зажигательныхъ стеколъ римскій флотъ, но это было очень давно. Существовалъ и греческій огонь, который горѣлъ въ водѣ и сжигалъ суда. Теперь бы, конечно, трудно было и Архимеду, и греческому огню сжечь бронированныя суда, но тогда и тепла столько не умѣли добывать, сколько умѣетъ американскій профессоръ Тэнтровъ. Онъ взялъ привилегію на особую комбинацію громадныхъ зажигательныхъ стеколъ, которая именно и должна привести къ вышеописаннымъ ужасамъ, и аппаратъ будетъ дѣйствовать не менѣе, какъ на 20 верстѣ. Только искусственно производимое затменіе солнца можетъ предотвратить истребленіе армій.

Не любо—не слушай, а лгать не мѣшай,—приходится этой великолѣпной русской поговоркой закончить сказаніе о предстоящемъ за жариваніи пѣлыхъ армій. Вотъ бы профессоръ двинулъ свой аппаратъ для пробы въ Китай—то-то смѣху бы было.

Разрушенный Гальвестонъ.

Въ предыдущихъ номерахъ мы давали изображеніе отдѣльныхъ зданій Гальвестона, какъ они предгавлялись до того урагана, который разбушевался надъ несчастнымъ городомъ, унесъ тысячи жизней и причинилъ миллиардные убытки. Въ настоящемъ номерѣ читатели видятъ картину разрушенія. вмѣсто красивыхъ зданій, гряда безформенныхъ развалинъ, свидѣтельствующихъ, что человекъ далеко еще не совладалъ со стихіями. Землетрясеніе, ураганы то и дѣло свидѣлствуютъ объ этомъ, да и недавнее изверженіе Везувія прибавляетъ страшицу стихійныхъ разрушеній послѣдняго времени.

Съ человекомъ легче бороться, а человекъ, особенно преступный человекъ, все-

Раскопки развалинъ и поиски погибшихъ.

гда пользуется стихійными бѣдствіями. Въ этомъ отношеніи и Гальвестонъ не составилъ, какъ извѣстно, исключенія. Мы уже сообщили о грабителяхъ, которые рассыпались по разрушенному городу. Послѣднія же полученныя на

Оказывается, что кромѣ погибшихъ во время урагана, еще и разбойники убивали жителей, пользуясь ихъ растерянностью послѣ постигшаго несчастья. Такихъ убитыхъ насчитывается до 150 человекъ. Какъ уже извѣстно, такихъ грабителей приказано было разстрѣливать на мѣстѣ. Для этой цѣли отрядъ солдатъ окружилъ все пространство катастрофы, и затѣмъ

Грабители не утруждались даже снимать кольца съ пальцевъ и серьги изъ ушей, а отрубали ихъ вмѣстѣ съ серьгами и кольцами. У многихъ находили по десятку такихъ ужасныхъ предметовъ. Одинъ пряталъ подъ полой женскую руку

Рыночная улица въ Гальвестонѣ, залитая водой.

эта цѣпь сдвигалась къ центру и разстрѣливали грабителей, какъ только видѣли котораго-либо изъ нихъ шарящимъ около трупа. Разстрѣленныхъ негодяевъ обыскивали и натывались просто на ужасныя находки.

рѣзать палецъ съ дорогимъ кольцомъ. Но его увидаль полицейскій сыщикъ и выстрѣлили. Солдатъ упалъ, пронзенный пулей.

Въ первые дни послѣ урагана разстрѣливали ежедневно до 200 такихъ грабителей. У одного изъ такихъ разстрѣленныхъ—негра громаднаго роста и необычайной силы нашли 23 пальца съ перстнями и 3 пары ушей, въ которыхъ блистали огромные брилліанты.

Въ другихъ ближайшихъ городахъ, въ которыхъ бушевалъ ураганъ, онъ причинилъ большія поврежденія, но тамъ не дошло до такихъ ужасовъ, какія разразились въ несчастномъ Гальвестонѣ.

Епископъ Штроссмайеръ.

Родственная намъ хорватская народность сердечно и торжественно праздновала на дняхъ пятидесятилѣтній юбилей возведенія въ епископскій санъ заслуженнѣйшаго изъ дѣятелей національнаго возрожденія и просвѣщенія въ тріединомъ королевствѣ—Хорватіи, Славоніи и Далматіи, Иосифа-Юрія Штроссмайера.

Этотъ архипастырь, широко-извѣстный во всемъ славянскомъ мѣрѣ, посвятилъ всю свою жизнь, выдающіяся способности, обширныя познанія и средства, доставляемыя ему епархіальными имуществами и сборами, служенію народнокультурному отечественному дѣлу. По его почину создавались школы и семинаріи, учреждены: университетъ, академія наукъ и художественный музей въ Загребѣ. Имъ были организованы просвѣдительныя общества, читальни и библіотеки, при его денежной помощи основывались и существуютъ понынѣ научныя и популярныя періодическія изданія на хорватскомъ языкѣ.

Великій хорватскій патриотъ—сынъ бѣдной мѣщанской четы, жившей въ городкѣ Осѣкѣ въ Славоніи. Онъ родился въ 1815 г. и, получивъ гимназическое образованіе въ родномъ городѣ, поступилъ на богословскій факультетъ будапештскаго университета, гдѣ все преподаваніе велось въ ту пору на латинскомъ языкѣ. Получивъ степень доктора богословія и званія священника, онъ, благодаря покровительству дьяковарскаго епископа Куковича, былъ назначенъ преподавателемъ въ вѣнской Augustineum, нѣ

Развалины въ прибрежной части Гальвестона.

этомъ счетъ свѣдѣнія заставляютъ просто содрогаться, до чего доходить человекъ, разъ въ немъ заговорила алчность.

съ дорогимъ браслетомъ. Даже солдатъ изъ цѣпи соблазнился чужимъ добромъ и, думая, что его никто не видитъ, бросился на женскій трупъ и принялся от-

Временный госпиталь въ зданіи опернаго театра.

сколько же лѣтъ спустя, секретаремъ дьяковарской епархіи. На этой должности молодому священнику удалось обратиться на себя вниманіе хорватскаго бана, знаменитаго Јелачича, по доставленію котораго Штроссмайеръ, едва достигнувъ 31-лѣтняго возраста, былъ сдѣланъ преемникомъ епископа Куковича, когда послѣдній скончался. Въ качествѣ дьяковарскаго епископа, Штроссмайеръ принималъ участіе въ преніяхъ римскаго собора о догматѣ папской непогрѣшимости, и рѣшительно высказывался противъ этого догмата. Это не помѣшало епископу заручиться въ послѣдствіи довѣріемъ Ватикана, и всѣ интриги противъ него въ Римѣ, со стороны мадьярскихъ шовинистовъ, оставались безплодными даже при Піѣ IX. Упомянемъ еще, что высоко заслуженный и въ шешу удачно убѣдительно въ цѣлесобразности оставленія за многими приходами въ Далматіи церковно-славянскаго языка въ богослуженіи.

Епископъ Штроссмайеръ проникновенный сторонникъ тѣснаго междуславянскаго единенія. Онъ знакомъ со всѣми выдающимися славистами и состоитъ въ постоянной перепискѣ съ ними, несмотря на свой столь преклонный возрастъ. Особенно часто онъ переписывался съ нашимъ безвременно скончавшимся вдохновеннымъ ратоборцемъ за соединеніе церквей, Владиміромъ Сергѣевичемъ Соловьевымъ.

Епископъ Штроссмайеръ такъ еще бодръ и крѣпокъ, что можетъ еще послужить на пользу славянскому дѣлу.

Выборная агитація въ Англии.

Выборы въ Англии прошли, какъ и слѣдовало ожидать, съ полной побѣдой кон-

серваторовъ. Вся Англія показала, что кровожадная политика Чемберлена ей по сердцу, и для Трансваала нѣтъ спасенія. Выборы прошли, какъ и обыкновенно, съ массой агитационныхъ курьезовъ. Всякому кандидату нужно имѣть въ виду двѣ вещи „canvass“ и „meetings“. Подъ именемъ canvass разумеется личный визитъ, который долженъ сдѣлать кандидатъ каждому выборщику. Этого обычая существуетъ уже болѣе столѣтія и описанъ романистомъ Куперомъ въ одномъ изъ его писемъ 1784 г. „Послѣ обѣда я сдѣлалъ спокойно съ двумя дамами, какъ вдругъ, къ нашему величайшему изумленію, предъ окнами остановилась огромная толпа народа. Черезъ нѣсколько секундъ къ намъ постучали въ дверь, и горничная доложила о мистерѣ Гренвилѣ. Въ парадной двери какъ-то заскочилъ замокъ, и кандидату пришлось пройти черезъ боковую. Однако всѣ кандидаты ничѣмъ не стѣсняются,—они готовы даже пролѣзть въ окно. Въ одну минуту переполнились народомъ и дворъ, и кухня, и гостиная. Гренвилъ приблизился ко мнѣ и съ особенной сердечною пожалъ мнѣ руку, а затѣмъ заговорилъ о цѣли своего посѣщенія. Я убѣждалъ кандидата, что я не имѣю ровню никакого вліянія, но онъ не хотѣлъ меня слушать, такъ какъ портной Амбэрнъ увѣряетъ, что я имѣю большое вліяніе. Тѣмъ и кончился нашъ разговоръ. Гренвилъ крѣпко пожалъ мою руку, обнялъ дамъ, даже служанку на кухнѣ обнялъ. Уличные мальчишки закричали, собаки залаяли, и толпа двинулась за кандидатомъ“. Въ настоящее время дѣло стоитъ точно такъ же, только дѣвушекъ не обнимаютъ. Болѣе, чѣмъ когда-либо, кандидатъ стре-

Выборная агитація въ Лондонѣ.—Подача голосовъ.

стоящаго пути“. Эти визиты совершаются въ различныхъ формахъ. Лордъ-мэръ и его супруга подъѣзжаютъ къ дверямъ своихъ избирателей въ раззолоченныхъ каретахъ, на шести лошадыхъ и съ напудренными волосами. Депутатъ рабочей партіи Джонъ Барисъ ходитъ по большей части пѣшкомъ, но въ послѣдніе выборы одинъ изъ его приверженцевъ снабдилъ его дрожками. Винстонъ Черчилль опускается въ угольные гоши, чтобы такимъ образомъ привлечь на свою сторону рабочихъ. Въ этомъ году автомобиль сослужилъ большую службу избирателямъ. Хейчестеръ Гармсвортъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи шесть локомотивовъ. Въ Ирландіи О'Бриенъ и Гили, заклятые враги, которые должны были избираться въ одномъ и томъ же городкѣ Нортъ-Лоутъ, для визи-

Выборы Бальфура въ Манчестерѣ. Уличная агитація.

мится лично поговорить съ избирателями, и часто такой визитъ затягивается до 3/4 часа. Если избиратель очень старъ или очень молодъ, то кандидатъ посылаетъ къ нему съ запиской жену, и та ужъ непременно всучитъ записку, да еще и съ самой привлекательной улыбкой. Эта улыбка производитъ часто большое дѣйствіе, и неоднократно приходится читать въ газетахъ такое увѣщаніе: „Избиратели такого-то города! Я знаю, что вы можете противостоять всѣмъ мужскимъ уговорамъ, но остерегайтесь тѣхъ чаръ—которыми обладаетъ слабый полъ, и которыя могутъ совлечь васъ съ на-

Эмиръ Афганскій—Абдурахманъ.

Объявленія о результатахъ выборовъ.

товъ наняли общую карету. Они прѣвѣжали въ одну и ту же деревню и останавливались предъ домомъ избирателя. Сначала шелъ О'Бриенъ, а Гили ждалъ въ каретѣ. Затѣмъ шелъ Гили, а О'Бриенъ ждалъ! Эти враги даже и избирательныя собранія устроили общія. Лошади отпряжены. О'Бриенъ взбирается на козлы и говорить рѣчь толпѣ, а Гили сидитъ на заднемъ сидѣннѣ. О'Бриенъ называетъ своего противника лжецомъ, а затѣмъ Гили ругаетъ его... Несмотря на такую агитацію, митингъ прошелъ совсѣмъ благополучно. Джо Чемберленъ наиболѣе популярный ораторъ на митингахъ. Это расположение массъ къ нему зависитъ главнымъ образомъ отъ того, что онъ чуть-ли не каждую фразу подкрѣпляетъ ударомъ кулака. Это даже создало ему прозвище оратора-боксера—это очень нравится англичанамъ, такъ какъ у нихъ и политика въ сущности тотъ-же спортъ, а когда Чемберленъ появился недавно на каедрѣ въ Бирмингамѣ, то ему кричали: „бей, Джо, переламывай ребра“, и если зрители говорятъ, что Чемберленъ говорилъ блестящую рѣчь, такъ это значитъ, что стучу было больше, чѣмъ при плотничьей работѣ.

Автобіографія эмира Абдурахмана.

(Къ рис. на стр. 301).

Эмиръ афганскій Абдурахманъ всегда возбуждалъ большой интересъ въ обществѣ. Европейцы рѣдко попадали въ его царство, которое является буферомъ между Англійей и Россіей. Объ Абдурахманѣ ходили самыя противорѣчивыя слухи, и въ немъ готовы были видѣть чуть-ли не самаго звѣрскаго деспота. Недавно онъ познакомилъ свѣтъ съ своей автобіографіей,—очевидно ему хочется считаться съ общественнымъ мнѣніемъ Европы, и съ этой точки зрѣнія его автобіографія пріобрѣтаетъ выдающійся интересъ.

„Съ самаго дѣтства и до настоящаго времени, жизнь моя идетъ совсѣмъ не такъ, какъ обыкновенно у восточныхъ властителей. Они обыкновенно живутъ пышно и ничего не дѣлаютъ, и аристократически настроеннымъ умамъ кажется, что представительство властителя уменьшается, если онъ ходитъ цѣлкомъ или что-либо собственноручно сдѣлаетъ. Я наоборотъ думаю, что было бы грѣшномъ оставлять безъ упражненія тѣло и умъ. Это была бы неблагодарность къ дарамъ Промысла. Я живу и одѣваюсь просто, по-солдатски. Привычка—вторая натура, а я уже съ дѣтства создалъ привычку работать цѣлый день и только немного часовъ посвящать сну. Даже, когда я серьезно боленъ, я продолжаю работать въ постели, читаю, разсматриваю государственныя бумаги и подписываю приговоры.

Кто меня видѣлъ въ послѣднее время, знаетъ, какъ я работаю, и даже если мои руки и ноги отказываются служить, то я дѣйствую языкомъ и отдаю приказанія. Тяжелая работа для меня не въ тягость, наоборотъ, я ее очень люблю и никогда не скажу, такъ какъ охотно работаю. Всякій имѣетъ предметъ своей гордости, у меня—трудъ. Наиболѣе тяжелая работа—управленіе и устройство моего царства. Эта любовь къ труду вибрируетъ въ меня Самимъ Богомъ, и вся моя жизненная цѣль заключается въ томъ, чтобы пасти ту человѣческую паству, которую Богъ мнѣ поручилъ. Аллахъ говоритъ чрезъ пророка Магомета: „если всемогущій хочетъ что-либо сдѣлать, то онъ найдетъ все необходимыя средства“. Богъ желалъ защитить Афганистанъ отъ вѣшнихъ нападений и внутреннихъ беспорядковъ и избралъ меня для этого, но

предварительно углубилъ мой умъ и зажегъ въ моемъ сердцѣ воодушевленіе и любовь къ моему народу. Я готовъ жизнью пожертвовать за его благополучіе.

Чѣмъ больше я присматриваюсь къ прогрессу другихъ націй и религій, тѣмъ менѣе могу я отдыхать. Цѣлые дни я думаю, какъ бы поскорѣе сдѣлать новые шаги по пути развитія, и ночью меня преслѣдуютъ сны объ этомъ. Говорятъ, что кошка грезитъ о мышахъ, я грежу объ отсталости Афганистана и о томъ, какъ мнѣ защитить мой Афганистанъ отъ льва и отъ страшнаго медвѣдя, которые смотрятъ на него во все глаза и готовы во всякую минуту его проглотить.

Мои придворные знаютъ, что прежде чѣмъ были установлены границы Афганистана, я видѣлъ вѣщій сонъ. Онъ былъ записанъ и опубликованъ во всеобщее свѣдѣніе. Мнѣ видѣлось, что я строю прочную и высокую стѣну вокругъ Афганистана. Астрономы истолковали этотъ сонъ, что я такъ прочно установлю границы своего государства, что будетъ совершенно невозможна наступательная политика англичанъ. И сонъ сбылся, да и вообще много моихъ сновъ сбывалось. Границы государства укрѣплены, и я теперь сдѣлался какой-то мишенью для всѣхъ, кто этимъ не доволенъ. Англичане чуть не ежедневно распускаютъ слухи о моей смерти, и по ихъ свѣдѣніямъ я умиралъ не менѣе 20 разъ. Тѣмъ не менѣе я никогда не былъ такъ здоровъ, какъ теперь.

Для тѣхъ, которые желаютъ поближе ознакомиться съ моимъ образомъ жизни, могу сообщить, что я не имѣю опредѣленнаго времени ни для обѣда, ни для сна. Часто бываетъ, что обѣдъ накрытъ уже нѣсколько часовъ, а я не иду за столъ, погруженный въ свои думы. Мысли меня увлекаютъ такъ, что я часто не признаю вошедшихъ приближенныхъ, и это особенно часто случается тогда, когда я взвѣшиваю реформы, проекты и государственныя дѣла. Часто ночью я начну читать или писать письма и такъ увлекусь, что не замѣчу, какъ взошло солнце. Мнѣ приходитъ въ голову басня объ одномъ влюбленномъ, по имени Маснуръ, который такъ былъ увлеченъ своей любовью къ красавицѣ Лейлѣ, что, увидавъ ея собаку, машинально пошелъ за ней и не отдавъ соотвѣтственнаго почитанія мечети. Когда же мулла мечети обратился къ нему съ вопросомъ, почему онъ это сдѣлалъ, то влюбленный отвѣтилъ, что онъ не замѣтилъ ни мечети, ни молящихся—такъ велика была любовь его даже къ собачкѣ возлюбленной. Молебенники, конечно, любили Бога меньше, чѣмъ онъ собаку, такъ какъ влюбленный ихъ не видѣлъ, а они во время молитвы заглядывались и на него, и на собаку. Мои враги и ученые говорятъ, что эта неумолимая дѣятельность является причиной моихъ постоянныхъ болѣзней, и что я прежде всего долженъ регулярно обидать. Но я отвѣчаю: любовь и логика никогда не сходятся. И разъ у меня въ сердцѣ отзывается благополучіе моихъ подданныхъ, то я не чувствую собственной боли. Наоборотъ, страданія и слабости моего народа, которыя я не могу уничтожить, заставляютъ меня страдать, такъ какъ я люблю свой народъ. „Любящій—говоритъ поэтъ,—чувствуетъ блаженство только въ преслѣдованнн своей цѣли, какъ пыль, поднимаемая овцами, является бальзамомъ для волчьихъ глазъ“. Чѣмъ больше я вижу успѣха въ своемъ стремленіи къ благосостоянію Афганиста, тѣмъ быстрѣе я иду къ этимъ успѣхамъ, какъ влюбленный по слѣдамъ своей возлюбленной. Я молю Бога, чтобы Онъ помогъ мнѣ честно исполнить тѣ обязанности, для которыхъ Онъ избралъ меня.

Часто я падалъ духомъ, видя, какъ мой народъ впадаетъ въ споры и раздоры и безпокоитъ меня своими неурядицами. Я долженъ производить слѣдствія, чтобы установить истину, а это у меня отнимаетъ слишкомъ много времени. Въ виду этого приходится повторять тѣ шаги, которые были уже сдѣланы по пути прогресса. Это меня часто смущало, и я иногда готовъ былъ вѣрить, что народъ неисправимъ и его происки неисцѣлимы, и что невозможно его поднять до такой нравственной высоты, когда онъ по силѣ и характеру будетъ равенъ съ сосѣдами. И на мысль иногда мнѣ приходило, что лучше было бы уйти отъ этой жизни заботы и опасенія на покой и предоставить своему народу придти въ совершенное распадѣніе. Однако, такія минуты трудности посѣщали меня рѣдко, и я всегда побѣждалъ сомнѣнія и возвращался къ обязанностямъ, которыя возложили на меня Богъ. Я думаю, что вѣрный любовникъ не долженъ никогда закрывать глаза на тѣ трудности, которыя ему предстоитъ, и онъ долженъ и злость, и издѣвательства, и жестокость своей возлюбленной принимать со сладкой улыбкой. Трудъ любящаго есть блаженство любовью, а трудности и заботы реформатора служатъ только къ тому, чтобы усиливать его воодушевленіе и побуждать къ дальнѣйшему напряженію“.

Далѣе эмиръ разсказываетъ о распорядкѣ своего дня. „Я не имѣю опредѣленной программы для 24 часовъ дня и ночи. Я работаю, какъ обыкновенный рабочій: съ утра до вечера, съ вечера до утра. Я выношу личныхъ покоевъ, кромѣ спальни, а также и пріемныхъ залъ. Въ моемъ дворцѣ много такихъ комнатъ, но у меня нѣтъ времени блуждать по нимъ. Естественно, я люблю пройти въ гаремъ и провести тамъ вечеръ съ семействомъ, и его члены тоже рады, когда я къ нимъ прихожу, однако это счастье рѣдко выпадаетъ на мою долю, такъ какъ у меня почти все время занято работой. Въ 5—6 часовъ утра я иду въ постель и встаю около 2 ч. пополудни. Къ этому времени сходятся ко мнѣ медики и ученые и спрашиваютъ о моемъ здоровьи и не нужно-ли мнѣ какого лекарства. Затѣмъ приходитъ ко мнѣ портной съ платьями европейскаго покроя. Я выбираю одно изъ нихъ, умываюсь, одѣваюсь, и сажусь за чай и легкой завтракъ. Въ это время секретари, назиръ, т. е. хранитель печати, и другіе чиновники ожидаютъ уже меня, и всякій думаетъ: „ахъ, если бы мнѣ первому попасть“, и я не могу ихъ за это порицать. Прежде чѣмъ я перейду къ дѣламъ съ чиновниками, я раздаю приказанія моимъ сыновьямъ и придворнымъ служителямъ—каждый пажъ—а ихъ во дворцѣ сто—и члены тайной полиціи подаютъ мнѣ письма, въ которыхъ ко мнѣ обращаются разныя обремененныя, прося помощи или судебнаго рѣшенія. Вокругъ меня кишатъ люди, каждый со своими нуждами, и еще болѣе увеличиваютъ мою работу.

Мой придворный штатъ состоитъ изъ слѣдующихъ лицъ: начальникъ дворцовой стражи, назиръ, или хранитель печати, представитель почтоваго вѣдомства и старшій поваръ. Это очень почетная и вмѣстѣ съ тѣмъ очень отвѣтственная должность при дворѣ. Нынешній носитель этого званія называется Сафаръ-Ханъ, и черезъ его руки проходятъ даже письма англійскаго представителя. Далѣе идетъ ученый (хакимъ), врачъ и хирургъ, аптекаръ и два или три офицера лейбъ-конвойа, которые должны нести и службу по передачѣ извѣстій. Слуги имѣютъ своей обязанностью смотрѣть за цвѣтами въ комнатахъ и приготавливать для столовъ бумагу, перья, чернила и т. д. Наконецъ, возлѣ моей пріемной залы постоянно находятся профессиональные шахматные и шашеч-

ные игроки, чтець для ночного времени и рассказчик сказокъ.

Если я въѣзжаю въ путешествіе, меня сопровождаетъ гвардейская кавалерія, пѣхота и артиллерія. На верховыхъ лошадяхъ моихъ придворныхъ сѣдла и уздечки имѣютъ серебряныя и золотыя расшивки. При движеніи эта кавалькада представляетъ блестящую картину. Я ѣду въ серединѣ этой кавалькады, и группы бѣгутъ около моего стремени или около паланкина. Далѣе, меня окружаютъ придворные чиновники, специальные слуги и пажи. Дальнѣйшій кругъ образуетъ второй классъ моего служебнаго персонала—портные, носильщики курительныхъ принадлежностей и аптекари. Далѣе идетъ гвардейская пѣхота и кавалерія. Артиллерія же не всегда сопровождаетъ меня въ такихъ путешествіяхъ.

ГЕРОИНИ ТРАНСВААЛЯ.

Военный корреспондентъ парижскаго „Matin“, Корреръ не находитъ словъ, какъ похвалить геройское поведеніе бурскихъ женщинъ въ самыя тяжелыя минуты ихъ родины. Храбрый Ботта, сдавши Юганнесбургъ, обратился къ своимъ войскамъ со слѣдующей рѣчью: „я хочу удержать у себя только тѣхъ, которые рѣшились сражаться до послѣдней капли крови. Поэтому, кто желаетъ—можетъ удалиться въ городъ“. Нѣкоторые буры дѣйствительно удалились подъ предлогомъ, что жены въ нихъ нуждаются. Однако, нужно было видѣть, какъ встрѣтили жены мужей: „Труссы! негодяи! Вы называетесь мужчинами? Дайте намъ оружіе, и мы займемъ это мѣсто!—такъ говорили и старухи, и молодыя бурскія женщины: вы оставили на произволъ судьбы и Ботту и дядю Крюгера,—не правда ли? Такие буры возвращались въ городъ не только подъ градомъ насмѣшекъ, но и камней. Дочь французскаго генеральнаго консула въ Преторіи, г-жа Оберъ, познакомила Коррера съ женами Ботты и Жубера, и первая говорила о своемъ мужѣ, какъ будто бы онъ только путешествовалъ: „я очень горда своимъ мужемъ, и будьте увѣрены, что онъ до самаго конца будетъ организовывать сопротивление“. Одна дама спросила у Коррера: „почему это вы въ Европѣ боитесь англичанъ, когда здѣсь, въ Африкѣ, небольшое количество земледѣльцевъ противостоятъ ихъ притязаніямъ“. — „Всѣ наши мужья“, — сказала третья дама, — „въ войскѣ, и мы ихъ обратно прогонимъ, если они возвратятся къ намъ“. Когда Корреръ выходилъ, то онъ сказалъ Оберъ: „Онъ просто страшны; если буры когда-либо сдадутся англичанамъ, то это будетъ только подъ вліяніемъ женъ“.

— И всѣ онѣ такія — отвѣтила Оберъ и повела корреспондента къ г-жѣ Ванъ-Вармелоо, у которой двое сыновей было въ войскѣ. У ней на шляпѣ была лента трансваальскихъ цвѣтовъ. — „Представте себя, — разсказала г-жа Ванъ-Вармелоо, — нѣсколько дней тому назадъ моя дочь надѣла шляпу съ такой лентой, и англійскій солдатъ потребовалъ, чтобы она сняла ее, но дочь отказалась. Солдатъ хотѣлъ сорвать, дочь тогда сама сняла ленту, а я пошла жаловаться полицейскому чиновнику, что Трансвааль еще не завоеванъ, южно-африканская республика продолжаетъ существовать, и мы имѣемъ право носить наши національные цвѣта“.

— „Милостивая государыня, — отвѣчала съ нѣкоторой горечью офицеръ: война не предметъ для смѣха!“

— „Очень можетъ быть, — отвѣтила я ему: но все-таки намъ не удастся заставить насъ плакать“.

ЭЛЕКТРИЧЕСКОЕ ОТОПЛЕНІЕ.

Электрическія печи давно уже извѣстны и употребляются для лабораторныхъ цѣлей и техническихъ опытовъ. Онѣ развиваютъ такія высокія температуры, что химикъ Моассанъ пользовался ими для воспроизведенія искусственныхъ брилліантовъ. Теперь явился проектъ использовать эти высокія температуры для отопленія квартиръ. Суть дѣла въ томъ, что двѣ проволоки проводятъ чрезъ стеклянныя трубки, изъ которыхъ выкачанъ воздухъ. По нимъ проводится электричество въ сосудъ, въ который понемножку притекаетъ вода. Какъ извѣстно, подъ вліяніемъ электрическаго тока вода разлагается на составныя части—кислородъ и водородъ. Происходящій отъ разложенія водородъ сгораетъ, и это сгораніе происходитъ во все время химическаго процесса разложенія воды. Къ нему присоединяется выдѣляющійся на другомъ проводѣ кислородъ, и благодаря этому получается очень высокая температура, до 1,400 градусовъ. Если сдѣлать даже небольшую печку изъ огнеупорныхъ кирпичей и производить въ ней сжиганіе газовъ, то въ ней получится больше теплоты, чѣмъ въ нашихъ отопляемыхъ дровами или углемъ печахъ.

НОВООТКРЫТАЯ ОПАСНОСТЬ АЛКОГОЛИЗМА.

Противники алкоголя ведутъ дѣятельную борьбу съ этимъ ядомъ. Во всѣхъ странахъ есть общества трезвости. Однимъ изъ главнѣйшихъ методовъ борьбы съ пьянствомъ является распространеніе въ публикѣ свѣдѣнія о томъ, какъ алкоголь дѣйствуетъ на человѣческой организмъ. Выдающійся изслѣдователь области физиологической химіи базельскій профессоръ Бунге сообщилъ въ одномъ изъ своихъ докладовъ установленный имъ фактъ: увеличивающаяся неспособность женщинъ кормить своихъ дѣтей доказываетъ, что алкоголизмъ играетъ въ этомъ случаѣ большую роль. Ученый находитъ, что способность кормленія переходитъ по наслѣдству отъ матери къ дочери, но точно также передаваемыя по наслѣдству болѣзни, какъ туберкулезъ, нервныя и душевныя болѣзни, не имѣютъ никакого вліянія на эту способность. Алкоголизмъ отца губительно дѣйствуетъ на молоко дочери, а въ особенности еще, если и мать страдала той же болѣзью. Нельзя не довѣрять этому утвержденію профессора Бунге, такъ какъ онъ 26 лѣтъ посвятилъ на изученіе отношенія между материнскимъ молокомъ и груднымъ ребенкомъ и уже сдѣлалъ рядъ открытій относительно состава женскаго молока. Бунге рекомендуетъ, во избѣжаніе такого вырожденія, полное воздержаніе отъ алкоголя, а въ видахъ произведенія здороваго потомства—не жениться на дочеряхъ завѣдомыхъ пьяницъ.

СОКРОВИЩА НА ДНѢ МОРСКОМЪ.

Изъ года въ годъ гибнуть суда въ морѣ, и вмѣстѣ съ погибшими людьми хоронятъ неисчислимыя сокровища, которые обыкновенно теряются навѣки въ глубинахъ. Благодаря этому, среди моряковъ создано множество легендъ, что въ такомъ-то и такомъ-то мѣстѣ на днѣ морскомъ лежатъ неисчислимыя сокровища. Но съ другой стороны иногда удается добыть эти драгоцінныя со дна морского. Недавно достали ихъ на мѣстѣ чесменскаго боя 1770 г., въ которомъ, какъ извѣстно, былъ уничтоженъ весь турецкій флотъ и затонули два русскихъ корабля. Турецкое правительство пригласило славянскихъ своимъ искусствомъ

греческихъ водолазовъ и изслѣдовало морское дно на мѣстѣ чесменскаго боя. На мѣстѣ гибели русскаго корабля водолазы нашли кассу съ 12,000 золотыхъ дукатовъ и много золота, бронзовые сосуды, кадилъницу и серебряныя столовыя принадлежности. Въ виду такого успѣха турецкое правительство предполагаетъ изслѣдовать и то мѣсто, гдѣ затонулъ турецкій флотъ.

ФОТОГРАФИРОВАННЫЯ ДЕНЬГИ.

Во время осады Мѣффинга сказался недостатокъ въ монетѣ, такъ что полковнику Баденъ-Поуэлю пришлось прибѣгнуть къ печатанію бумажныхъ денегъ. Однако, не было литографіи и никакихъ литографическихъ приспособленій, а потому пришли къ мысли дѣлать деньги фотографическимъ путемъ. Баденъ-Поуэль самъ нарисовалъ кредитную бумажку, съ которой приготовили 5 негативовъ и печатали. Эти банкноты представляли стоимость въ фунтъ стерлинговъ. Такимъ образомъ удалось установитъ денежное обращеніе, хотя эти кредитки и были плохоты, такъ какъ недостатокъ воды не позволялъ достаточно промывать негативы. На отпечатанныхъ кредитныхъ билетахъ ставились двѣ подписи. Во время осады было выпущено до 500 такихъ кредитокъ.

БОЛЬШІЕ АМЕРИКАНСКІЕ ГОРОДА.

Въ послѣднее время союзнымъ статистическимъ бюро американскихъ штатовъ опубликованы любопытныя данныя объ американскихъ городахъ. Оказывается, что тамъ имѣется уже 40 городовъ, количество населенія въ которыхъ превышаетъ 100,000. Вмѣстѣ же они имѣютъ 3½ милліоновъ, то есть около шестой части всего количества жителей въ государствѣ. Въ 1890 г. такихъ городовъ было 28. Изъ ихъ числа одинъ исчезъ—это Бруклинъ, превратившійся въ часть Нью-Йорка, новые же города, увеличившіе количество жителей до ста тысячъ—Колумбусъ, Толедо и Патерсонъ.

Санаторія Ламана.

Унасъ въ свое время были изложены общія основанія діететики д-ра Ламана, теперь мы даемъ его портретъ и рисунокъ санаторіи, находящейся въ 7 верстахъ отъ Дрездена.

Санаторія д-ра Ламана посѣщается 4,000 больныхъ ежегодно; изъ нихъ около 40% русскихъ и почти столько же англичанъ; и тѣ, и другіе лѣчатся и вылѣчиваются съ блестящимъ успѣхомъ отъ всѣхъ послѣдствій неправильнаго питанія и протекающаго отсюда ненормальнаго состава крови (дисемія)—основной причины всѣхъ болѣзней. Лекарствъ д-ръ Ламанъ совершенно не признаетъ; его терапия—исключительно діететическая. Нужно замѣтить, что, въ виду указанного контингента больныхъ, мясо не безусловно исключено изъ діеты ламановской санаторіи, такъ какъ абсолютное неупотребленіе мяса оказывается невозможнымъ для очень многихъ, въ особенности для англичанъ; дается оно, однако, въ очень маломъ количествѣ и въ простѣйшихъ видахъ: Schmorbraten (тушеное мясо) и Rostbraten (жареное мясо). Безусловно устранены: хлѣбъ и поваренная соль; первый замѣненъ для желающихъ картофелемъ, фигурирующимъ на обѣденномъ столѣ въ артистическомъ приготовленіи на всевозможные лады; вторая замѣнена особой растительной соей д-ра Ламана, придающей вегетарианскимъ блюдамъ особенно пикант-

ный вкус (не смѣшивать съ растительною „солью“ д-ра Ламана). Въ связи съ пользованіемъ чистымъ воздухомъ, въ связи съ свѣто-воздушными волнами

Д-р Ламана

и соблюденіемъ безукоризненной чистоплотности, діететика д-ра Ламана творитъ чудеса. Огромное большинство больныхъ получаетъ исцѣленіе отъ такихъ недуговъ, въ борьбѣ съ которыми современная лекарственная терапия совершенно безсильна: малокровіе, хлорозъ, ожирѣніе, исхуданіе, сахарное мочеизнуреніе, мочекишечная дискразія, инфаркты, чахотка (не запущенная), золотуха, зобъ, ревматизмъ мышечный и сочленовный, подагра, склерозы, апоплексія, водянка, неврастенія въ самыхъ тяжелыхъ формахъ и пр. Для замужнихъ женщинъ діететика д-ра Ламана имѣетъ такія послѣдствія: беременность протекаетъ безъ тошноты и рвоты, вообще—безъ всякихъ ненормальностей; животъ очень незначительно разрастается; роды безболѣзненны и длятся 1½—2 ч; новорожденные малы, легковѣсны (6—7 фунтовъ), вслѣдствіе отсутствія подкожного жира и черепной жидкости, имѣютъ великолѣпно развитые скелетъ и мускулатуру; они быстро растутъ и прекрасно развиваются—при правильномъ вскармливаніи и уходѣ, конечно. Самъ д-ръ Ламанъ строгій вегетарианецъ; жена его ѣстъ мясо, но въ очень маломъ количествѣ; дѣти же ихъ *) совершенно не знаютъ даже вкуса его. Насколько роскошенъ и вкусенъ вегетарианскій столъ въ санаторіи д-ра Ламана, можно судить по тому, что богатые англичане, получивъ исцѣленіе, то и дѣло переманиваютъ поваровъ санаторіи и увозятъ ихъ съ собою въ Англію, гдѣ вегетарианскихъ поваровъ совсѣмъ не имѣется.

дома на Казанской или Гороховой, гдѣ нѣтъ ни свѣта, ни воздуха, но гдѣ парятъ мгла и вонь. Въ Россіи теперь уже очень много людей, которые, побывавъ въ санаторіи д-ра Ламана, продолжаютъ тотъ же режимъ на родинѣ: результаты тѣ же. Намъ лично известно семейство В., проживающее въ Царскомъ Селѣ: мужъ, жена и девять человѣкъ дѣтей, выросшихъ по Ламану. Ни супруги В., ни дѣти ихъ съ болѣзнями больше не знакомы. Побывали въ санаторіи Ламана по случаю тяжелой формы неврастеніи, которою много лѣтъ страдалъ г. В. Исцѣленіе, конечно, полное. Столъ въ этомъ семействѣ вегетарианскій, съ преобладаніемъ зеленыхъ овощей и фруктовъ зимой и лѣтомъ. Подкармливаніе грудныхъ дѣтей—поря изъ овощей и фруктовъ, но отнюдь не манной кашкой (крахмалъ)—размоченнымъ сухарикомъ (крахмалъ) и отнюдь не скобленнымъ мясомъ и котлеточками (отрава). Въ спальняхъ лѣтомъ не закрываются окна, а зимой форточки. Дѣти спятъ безъ бѣлья, подъ легкими одѣялами; въ 15°-ный морозъ бѣгаютъ босыми по балкону; мускулатура развита великолѣпно; болѣзней, заслуживающихъ вниманія, не было. Младшему ребенку въ настоящее время полтора года *).

В. Вольфсонъ.

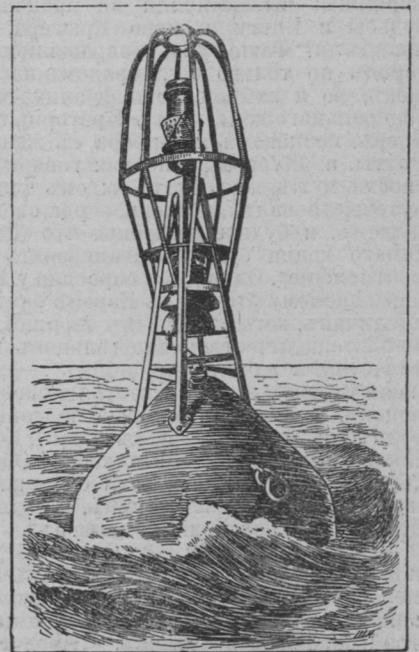
Шляпа и трубка Крюгера.

Англичане ликуютъ. Шляпа и трубка Крюгера находятся въ Лондонѣ. Стивенсъ, аукціонистъ въ Королевской улицѣ, принялъ оба эти предмета на храненіе. Въ скоромъ времени они будутъ проданы съ публичнаго торга, и не одинъ англичанинъ собирается разогнать свой сплинь на этомъ аукціонѣ и перекупить эти единственные трофеи, доставшіеся англичанамъ отъ дяди Крюгера. Хотя Стивенсъ и оберегаетъ эти предметы, какъ зѣницу ока, однако рѣшился допустить къ нимъ журналиста и художника, благодаря которымъ публика можетъ

въ достаточной степени потерта, такъ что, по заключенію англійскаго журналиста, она пристала бы развѣ лондонскому извозчику. Поля въ нѣкоторыхъ мѣстахъ надорваны, и бывающія въ шляпахъ для вентиляціи отверстія не нужны, такъ какъ шляпа въ одномъ мѣстѣ пробита. Присматриваясь къ этой шляпѣ, нетрудно сообразить, что Крюгеръ носилъ ее на

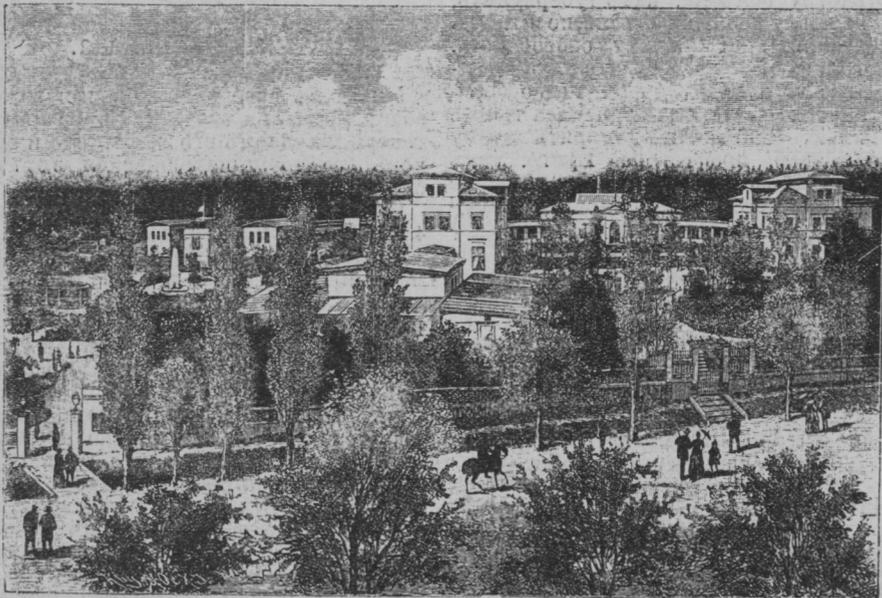

своей фермѣ близъ Растенбурга. Дядя Крюгеръ написалъ карандашемъ собственноручно свое имя, такъ что дѣйствительная принадлежность шляпы Крюгеру стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Дѣлалъ шляпу Кристи въ Лондонѣ. Трубка президента страшно закурена и имѣетъ отверстіе съ нашъ мѣдный пятакъ. Мундштукъ носитъ слѣды зубовъ курильщика. И это будетъ продаваться въ Лондонѣ на аукціонѣ!..

Свѣтящійся и звучащій бакенъ.

Американцы изобрѣли особый бакенъ, въ которомъ есть постоянно звенящій колоколъ, а кромѣ того онъ и свѣтитъ. Уже нѣсколько такихъ бакеновъ поставлено въ нью-йоркскомъ рейдѣ. Новое въ нихъ то, что свѣтъ въ нихъ можетъ держаться до 3 мѣсяцевъ и виденъ на 6 морскихъ миль. При этомъ и размѣры бакена не такъ велика: 7 аршинъ въ вышину и 3 въ діаметръ. Двойной способъ извѣщенія судовъ, во всякомъ случаѣ, является значительнымъ прогрессомъ въ дѣлѣ обезопасенія морскаго плаванія.

Санаторія Ламана.

Вотъ, что творится въ санаторіи д-ра Ламана, и вотъ, что всякій можетъ устроить у себя дома, конечно не на заднемъ дворѣ пятиэтажнаго петербургскаго

ознакомиться съ видомъ этихъ предметовъ. Шляпа съ шелковымъ верхомъ, но

*) Пять богатырей и одна богатырша, съ болѣзнями незнакомы.

*) Супруги В.—люди очень гостеприимные и охотно сообщаютъ всѣмъ посѣщающимъ ихъ всѣ подробности о санаторіи Ламана и о своемъ режимѣ.